

отщепенцы, б... дети, новые унияты“, — просил игумена Феоктиста протопоп Аввакум, имея в виду никониан.¹

Не мешало популярности Вишенского в старообрядческой среде и то, что в сочинениях его большое место отведено полемике с латинством, обличительной критике римско-католической церкви и папской курии. Полемике с латинством и сами старообрядцы придавали большое значение, так как не сомневались в том, что все основные „дохматы“ никонианской „ереси“ — латинского происхождения и внушены Никону и его последователям предтечей антихриста — римским папой. Не только „крыж четвероконечный“, „клобуки рогатая“, требование „трижды глаголати «аллилуия»“ и прочие „живые“ догматы никониан являются, с точки зрения Аввакума, „мудрованием римскаго костела“, „поляков и киевских уният“, но латинского происхождения и самый главный их „дохмат“ — новое „в перстах сложение“. „Еже креститися тремя персты, — большим, и указательным, и великосредним, — се бо есть древняго Фармоса и отступника папы римскаго мудрование его со дьяволом, — писал Аввакум сибирской „братии“, — он тремя персты крестился и людей благословлял... Того ради блюдитесь, праввернии, сея скверныя печати, да не со дьяволом осужени будете в тартаре преглубоком“.²

Есть, наконец, все основания предполагать, что Вишенский принадлежал к числу тех авторов, сочинения которых старообрядцы, — в массе своей в XVII веке выразители посадско-плебейского и крестьянского протеста против Московского феодально-крепостнического государства, — ценили в особенности, так как именно в них находили ответ на многие волновавшие их вопросы, наталкивались на мысли, во многом соответствующие их собственным убеждениям. Действительно, достаточно сопоставить сочинения Вишенского с писаниями хотя бы того же Аввакума, чтобы убедиться в том, что популярность Вишенского в среде старообрядцев была не случайной, а опиралась на глубокое сочувствие многим его идеям, его настроениям, его миропониманию.

„Помните ли вы, как Мелхиседек жил в чащине леса того, в горе сей Фаворстей, семь лет ядый вершине древес, и вместо пития росу лизаше? — совсем в манере Вишенского допрашивал Аввакум современных ему князей господствующей церкви в беседе седьмой — „О старолюбцах и новолюбцах“. — „Прямой был священник, не искал ренских, и романей, и водок, и вин процеженных, пива с кордомоном, и медов малиновых и вишневых, и белых всяких крепких. Друг мой, Иларийон архиепискуп Рязанской! Видиши ли, как Мелхиседек жил. На вороных и в каретах не тешился езда. Да еще был и царские породы. А ты кто? Воспомяни о себе, Яковлевич, попенок! В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя в карете на подушки, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу на площади, чтобы черницы-ворухинянки любили. Ох, ох, бедной! Некому по тебе плакать...“.³

„Все христиане от апостол и отец святых научени быша смирению, и кротости, и любви нелицемерной, — читаем в пятой беседе Аввакума — „О внешней мудрости“, — с верою непорочно, и постом, и со смиренною мудростию, живуще в трезвости, достигают не мудрости внешней, — поразумевати и луннаго течения, — но на самое небо восходят смирением ко престолу царя славы и со ангелы сподобляются славити

¹ Памятники истории старообрядчества XVII в., вып. 1. Русская историческая библиотека, т. XXXIX, Л., 1927, стр. 910.

² Там же, стр. 867—868.

³ Там же, стр. 303—304; ср. стр. 280—281, 335.